

СЕМИНАР С А. МАСЛОУ ВЕСНОЙ 1970 ГОДА¹

Р. Танненбаум. Вступление

Я хочу поделиться некоторыми своими впечатлениями. Во многом оформление этого текста стало возможным в результате многочисленных споров об Эйбе Маслоу с моей женой Эдит. Я привожу эти наблюдения в виде самостоятельных фрагментов, не пытаюсь создать целостного представления об Эйбе.

Эйб обладал детской непосредственностью. Он зачастую подходил к новым идеям и новому опыту со свежестью и изумлением ребенка, который впервые столкнулся с чем-то неожиданным в этом мире. Его непосредственность выражалась, помимо прочего, в его наивности в отношении многих моментов повседневной жизни, так же как и в его огромном любопытстве и энтузиазме по поводу всего, что его окружало.

Эйб был открытым человеком. Он был открыт для восприятия идей и опыта других людей. Он был весьма восприимчив к новым идеям и полу-

чал огромное наслаждение, играя с ними и сопоставляя их со своими прежними идеями и наблюдениями. Эйб был открыт для принятия и защиты собственных мыслей и чувств. Он частенько рисковал, проявляя такую открытость.

Например, его заметки, которые составили книгу «Эвпсихическое управление» (Eupsychian Management), изданную с помощью трафаретной печати, были опубликованы без редакторской правки, купюр, добавлений и каких-либо изменений, кроме исправления типографских опечаток. Сами по себе эти заметки спонтанно надиктовывались им каждый день как результат его опыта работы в компании Non-Linear Systems.

Эйб умел слушать с удивительной легкостью. В такие моменты у людей возникало искреннее чувство, что он чему-то у них учится, что он на самом деле приобретает что-то новое благодаря им. Многие испытали проявление этого качества Эйба на себе.

¹ Запись выступления А. Маслоу на публичном семинаре в 1970 г. и предисловие к ней сделаны Робертом Танненбаумом, профессором Высшей школы менеджмента Калифорнийского университета Лос-Анджелеса (из книги: Abraham H. Maslow: A Memorial Volume. Monterey (CA): Brooks/Cole, 1972. P. 33–56).

У него была привычка носить с собой карточки или чистые листочки в кармане, и часто, когда кто-то говорил с ним, Эйб доставал чистый листок и бегло делал пометки о том, что дала ему беседа.

Эйб легко внушал людям глубокое уважение к их идеям и проектам и вызывал в них энтузиазм и высокую мотивированность на осуществление задуманного. Это качество Эйба сыграло немалую роль в написании множества статей и книг разными людьми, в организации Эсалена, это положило начало «Журналу гуманистической психологии», «Журналу трансперсональной психологии» и многим другим подобным начинаниям.

Эйб был чрезвычайно скромным, даже застенчивым человеком. Порой он с трудом мог поверить, что он действительно тот Абрахам Маслоу, которого знают многие люди. Он умел отстаивать свою точку зрения даже тогда, когда ее разделяли немногие. Но он делал это с покорностью, у него не было нужды хвастаться. И в профессиональных, и в личных отношениях у него не было потребности властвовать. К тому же он был человеком довольно простым в своих личных пристрастиях. Он жил не напоказ.

Эйб считал себя этичным человеком. Его высокие моральные стандарты отражались в его поведении. Многие люди по своему опыту знали его как очень порядочного человека.

Хотя Эйб прекрасно переносил пребывание в одиночестве (но не

одиночество само по себе), он получал удовольствие от взаимодействия с окружающими. Он наслаждался людьми, особенно «хорошими» людьми.

Эйб был охвачен жадной утверждения источников человечности в человеке. В последние годы он вкладывал в это большую часть своей энергии через писательство, разговоры, межличностные взаимоотношения и мн. др., чтобы создать такой сильный импульс, какой он только сможет, в продвижении того, во что он верил. В последние несколько лет своей жизни он прилагал отчаянные усилия к тому, чтобы печататься как можно чаще. Он выражал беспокойство по поводу того, что у него осталось уже не так много времени, чтобы высказать то, что он хотел, и создать тот импульс, который он хотел.

У Эйба был особенный талант связывать свои идеи с красочными, запоминающимися терминами: эвпсихика, дефицитарность и бытийность, самоактуализация, иерархия потребностей, пиковые переживания (включая пикеров и непикеров) и знание–наблюдение.

Нижеприведенные строки имеют особенное значение для тех, кто присутствовал на последнем большом публичном семинаре Эйба. Он проходил 17 марта 1970 г., во второй день семинара организационных перспектив Высшей школы менеджмента Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе². На протяжении почти трех часов Абрахам Маслоу говорил. Свободно, без заранее

² The Organizational Frontiers Seminar at the Graduate School of Management of the University of California, Los Angeles.

подготовленного плана он делился своими взглядами, чувствами, надеждами. Его пребывание здесь-и-сейчас как человеческого существа, каким он был, затронуло глубокие струны во всех нас, находящихся в зале.

Меньше чем три месяца спустя, 8 июня 1970 г., Абрахам Маслоу скончался. Вспоминая о импульсе, который он передал нам тем утром, я попытался представить здесь как можно более полно открытия, мудрость и юмор Эйба (с минимальным редактированием и небольшой перегруппировкой его мыслей для того, чтобы систематизировать их по темам).

А. Маслоу

Оптимизм и отчаяние

Как мне кажется, наша современная ситуация — это часть происходящей неявной революции. Я говорю об этом в терминах столкновения культур. С одной стороны, есть культура мужества, совладания, сопротивления и устремлений, где все подразумевает своего рода оптимизм, всегда возможность, если не осуществимость. С другой стороны, есть культура отчаяния, безнадежности, теории зла, которой пропитаны определенные группы населения.

История идей, история западной цивилизации во многом является историей развенчания добрых 90% людей, тех, кого мы называли великими, кто сформировал нас, кто остался в нашей крови. Мы все ньютоновцы, платоники, фрейдисты, марксисты, веберовские типы и т. д. Я хочу, чтобы вы задумались на минуту, что все они принесли нам недо-

верие, подозрения, разоблачения, заставляя нас терять свою веру в то, что мы видим перед своими глазами, и чувствовать, что есть что-то за тем, что мы видим, а значит, вынуждая нас не доверять самим себе. Главное направление западной истории (истории идей, как ее сейчас называют) не в том, чтобы развеять самолюбование человечества, а в том, чтобы нанести удар по его доверчивости — доверию человеческой природе, вере в возможность развития, в возможность совершенствования и т. п. Эти удары наносились снова и снова, так что мы оказались загнанными в несколько паранойяльную позицию. Нельзя полагаться на здравомыслие, потому что это всего лишь рационализация. Нельзя доверять организациям, потому что за всем, что они делают, стоят классовые интересы.

В настоящее время моя работа посвящена тому, что я называю «метамотивацией», т. е. она затрагивает внешние по отношению к человеку истины, внутренние ценности и ту роль, которую они играют в нашей мотивации. На основе своего опыта я настаиваю на том, что после того как

мы один раз решили проблемы низлежащего уровня (материальные проблемы), приобретает огромную роль метамотивация — поиск правды, совершенства, красоты, справедливости, наивысшего порядка, абсолютной простоты, гармонии, братства и т. п. Я в этом все больше убеждаюсь и сейчас говорю с уверенностью и заверяю вас, что это означает годы непрерывного противостояния, неуверенности и постоянных сомнений «а не сумасшедший ли я?».

Когда я встречаю очень хорошего человека, все доступные мне ресурсы уходят на понимание, что этот прекрасный человек рано или поздно разоблачит себя тем, что будет искать власти или станет преследовать корыстные цели и т. п. Я хочу, чтобы вы подумали о том, насколько история западной цивилизации приучила нас к платоновской идее, что все, что мы видим, — на самом деле не реально и всегда есть что-то за тем, что мы непосредственно воспринимаем. Нам всем навязана эта позиция отчаяния. Если бы вы провели столько же времени, сколько провел я за последние несколько лет, размышляя об этом, стараясь это почувствовать, разобраться во всем, я думаю, в итоге вы пришли бы к такому же раздражению, какое я испытываю к распространителям культуры отчаяния в нашем обществе. Я не говорю сейчас о скептицизме, который, по-моему, достаточно оправдан и приемлем. Но я говорю о людях, которые уверены и которые будут продолжать настаивать на допущении, что мы все, по сути дела, стадо мерзавцев, и если и ведем себя любезно, то за этим всегда что-то

стоит, и все это притворство, фальшь и лицемерие.

Таким отношением пропитаны наши студенты. Недавно я услышал от одного профессора об одной из моих книг («По направлению к психологии бытия», которая, по-моему, не слишком оптимистична), что она основана на опыте. Это рассказ о таких фактах, на которые культура отчаяния предпочитает не обращать внимания. Моя собеседница, профессор, сказала мне, что, по словам одного студента, чтение этой книги было для него необычным опытом. После четырех лет колледжа он вдруг понял, что каждый профессор, каждый курс, которые он прослушал, убеждали его в том, что человеческая природа — зло и ей нет веры. Это была, на его выпускном курсе, первая книга, где о людях говорилось что-то хорошее.

Мне кажется, в направлении развития, если говорить об истории последних 2500 лет, сейчас происходит что-то новое. Пожалуй, впервые был предложен синтез, основанный не на отчаянии, не на допущении о порочности, о первородном грехе, о внутреннем зле, не на рекомендации не верить своим глазам или учению о том, что реальны только нечеловеческие, неличностные вещи и что все, что нам важно, на самом деле нереально. И будто бы поэтому все это не надо принимать в расчет.

Мы предлагаем впервые предпринять попытку позитивного синтеза, подразумевающую веру в человека, веру в общество. И я намерен быть в этом настолько стойким, насколько я способен. Я говорю о всеобъемлющей философии жизни — философии всего, а не только философии

психологии и человеческой природы и общества, а всех профессий, социальных институтов, возможного будущего человека. Теперь наконец это можно сделать. Можно говорить о гуманистическом способе жизни, о духе гуманизма. Таким образом, происходит что-то новое.

Если говорить в терминах вероятности, то я бы сказал, что мы должны иметь в виду, что есть реальная вероятность, что мир взлетит на воздух и мы вместе с ним. И это действительно возможно. С другой стороны, есть другая вероятность — вероятность победы истины, фактов, науки нового гуманистического направления. Мне кажется, удача во многом на стороне успеха нового гуманистического синтеза. Я не думаю, что это произойдет в любом случае, потому что мы можем раньше успеть взлететь на воздух. Но если мы можем спасти себя от самоуничтожения, от ухода обратно в джунгли, то, думаю, я мог бы хорошо это показать, если бы было время, потому что факты, данные на стороне «гуманистической этики», нового образа общества, пусть этот образ и достаточно примитивен, но он уже есть, о нем можно говорить, об этой возможности хорошего общества. Несомненно, это возможность, и мы хорошо знаем об этом. Для того чтобы произошел этот переворот к новому образу человека, новому образу общества, на мой взгляд, необходим новый образ науки, которая учитывала бы эти новые определения старых миров, нужна новая эпистемология, новая метафизика, новая этика, новая аксиология, новое определение того, что значит «факт», новое определение истинности, связанное с понятием

смысла, в общем целая новая методология.

Это все, что я хотел сказать. Возможно, в том, что я сказал, есть немного злости. Я бываю очень зол, иногда мне очень горько от всего этого, хочется вооружиться против этой организованной группы мерзавцев, которой, к сожалению, принадлежит сейчас решающий голос, поскольку они стоят у микрофонов нашей культуры. Я хочу отослать вас к исправленному изданию моей книги, которая называется «Мотивация и личность», впервые опубликованной около 15 лет назад. К счастью, у меня было время хорошо поработать над ее переработкой, действительно усердно поработать, а не урывками, как это обычно делают профессора, переписать полностью неудачные места и подкрепить то, о чем я сейчас говорил, хотя бы предварительными результатами. Особенно я хочу обратить ваше внимание на предисловие к этой книге, где изложена моя точка зрения. Там в сконцентрированном виде представлено мое кредо, мое чувство, что мы должны понять проблему как можно более широко, считать, что мы находимся между мирами — миром уже мертвым (или, по крайней мере, миром, от ликвидации которого прямо сейчас ничего страшного не произойдет) и миром, которому еще предназначено родиться. Можно сказать, что он еще только вынашивается. И мы стоим ровно в центре всего этого, в довольно неопределенном положении. И нам нужна не только терпимость к этой двойственности, но и немалое мужество. Есть вероятность, что мы можем выжить. Есть шанс, реальный шанс, что мы можем

создать хорошее общество. Уже накопилось изрядное количество проверенных фактов, что мы можем усовершенствовать человеческую природу, что мы можем сделать человека лучше, и мы знаем, как это сделать. И я думаю, это может дать нам мужество в этой неопределенной ситуации, чтобы не только терпеть ее, но и погрузиться в этот ужас и бороться, потому что бороться есть с чем. Многое еще нужно сделать.

*О «нормативном стремлении»
и о том, как быть
хорошим ученым*

Нижеследующие размышления — результат многих лет внутренней борьбы. С одной стороны, это стремление быть максимально этичным человеком — тем, кто старается сделать этот мир лучше, а именно сделать лучше человека. Эта работа заставляет меня бороться, сражаться, вести политику скорее аристотелев-

ского толка. Мне нравится все это, я чувствую, что это мой долг, и что-то внутри мне подсказывает, что это не только мой долг, но и ваш тоже. Но вместе с тем как я могу сочетать все это с моей глубокой верой в то, что спасение человека связано с развитием познания?

Я выражу не совсем сократовскую точку зрения, под которой готов подписаться и которую, как мне кажется, я смогу доказать, не заходя так далеко, как Сократ, который утверждал, что безнравственное поведение, злонамеренное поведение невозможно для любого человека, который ясно представляет себе все детали ситуации. Я бы сказал, что в борьбе со злом, безнравственностью, глупостью, жадностью, эгоизмом и т. д. у меня есть очень глубокая вера в то, над чем я работал всю жизнь, а именно в то, что я могу укреплять свои нравственные убеждения развитием знания, т. е. я могу делать добро — быть хорошим добро-деятелем, будучи хорошим ученым. Следует оговорить, однако, что для этого требуется немного изменить определение науки. Я уверен, что можно показать, что «нормативное стремление», т. е. стремление делать добро, помогать человечеству, делать мир лучше, вполне сочетается с научной объективностью и даже более того — делает науку существенно лучше и мощнее. Я думаю, наука не выполнила свою миссию, так как сама по собственному желанию сковала себя устаревшей метафизикой. Нам нужна наука с гораздо более широкими полномочиями, чем сейчас, когда она, стараясь оставаться ценностно-нейтральной и ценностно-свободной, оставляет установление ценностей

на произвол. Если не устанавливать ценности на основе фактов, то на основе чего еще это можно сделать, кроме священных книг и откровений тех, кто сам не знает, о чем говорит? Вы оставляете выбор ценностей на суд людей, не владеющих опытом, фактами, на суд не-ученых — ценности оказываются не подтвержденными фактами. Это просто сделать, расширив наше понимание объективности, включив в него не только «знание-наблюдение», но и «знание-опыт». Я применил сочетание «знание-наблюдение» как меткое выражение, очень точно описывающее то, что мы обычно называем знанием, тем знанием, которое я мог бы иметь, например, о лабораторных крысах. Это пассивное знание, не-включенное знание, знание «о», знание извне. Нам нужно изменить это понимание знания и добавить к нему — не вытеснить его другим, а именно добавить к нему — «знание-опыт», знание-участие, такой способ познания, когда мое знание о человеке становится более сопричастным, чем знание о гусях или лабораторных крысах, я даже могу сказать (и это будет смелым шагом, я надеюсь, вы не будете возражать), что это должно быть знание-любовь, которое проистекает из большей восприимчивости, это знание о ком-то, о личности, рождающееся из сильного чувства любви к этой личности, но не из ощущения равнодушия и позиции нейтральности. Я называю это даосистским знанием. Простая модель даосистской объективности исходит из феноменологии бескорыстной любви и восхищения существованием другого человека. Например, любовь к ребенку, другу, про-

фессии или даже проблеме (в научном смысле слова), к области знаний может быть настолько полной и принимающей, что становится невмешивающейся и нененавязывающей и, следовательно, даосистской.

Можно любить истину, которая зарождается, верить в нее, быть счастливым и изумляться ее открывающейся природе. Можно верить, что незагрязненная, не подверженная никаким влияниям, ни к чему не обязывающая истина будет чище, красивее, истиннее той истины, которая была бы, если бы мы вынуждали ее соответствовать нашим априорным ожиданиям, надеждам или планам, текущим политическим нуждам или современной интеллектуальной моде. Истина может родиться в этой самой смиренной рубашке. «Нормативное стремление» может быть неправильно понято и исказить зарождающуюся истину априорными требованиями. Боюсь, некоторые ученые именно это и делают, в сущности, подменяя науку политикой. Но в этом совершенно нет необходимости для ученого нового даосистского подхода, который может любить зарождающуюся истину в достаточной степени для того, чтобы считать, что эта истина приведет к лучшему, и поэтому сохранить ее именно ради своего «нормативного стремления».

Кроме того, я уверен в том, что чем чище истина, чем менее загрязнена она доктринерами, чьи умы запрограммированы наперед, тем лучше для будущего человечества. Я верю, что мир больше выиграет от правды будущего, чем от политических убеждений, которых я придерживаюсь сейчас. Как бы я сейчас ни

защищал свои взгляды, в то же время я чувствую, что знаю недостаточно, знаю не так много, как мог бы знать, если бы прожил еще 50 лет. Я верю тому, что будет известно, больше, чем моему сегодняшнему знанию. Это гуманистическая, научная версия библейского высказывания «не Моя воля, но Твоя да будет». Мои страхи и надежды на человечество, мое стремление творить добро, моя жажда мира и братства, мое «нормативное стремление» — для всего этого будет лучше, если я останусь скромно открытым истине, объективным и бескорыстным в этом новом даосистском духе отказа от предрешения истины и вмешательства в нее, отказа от того, что делают современные политики и ученые.

Любовь к ребенку

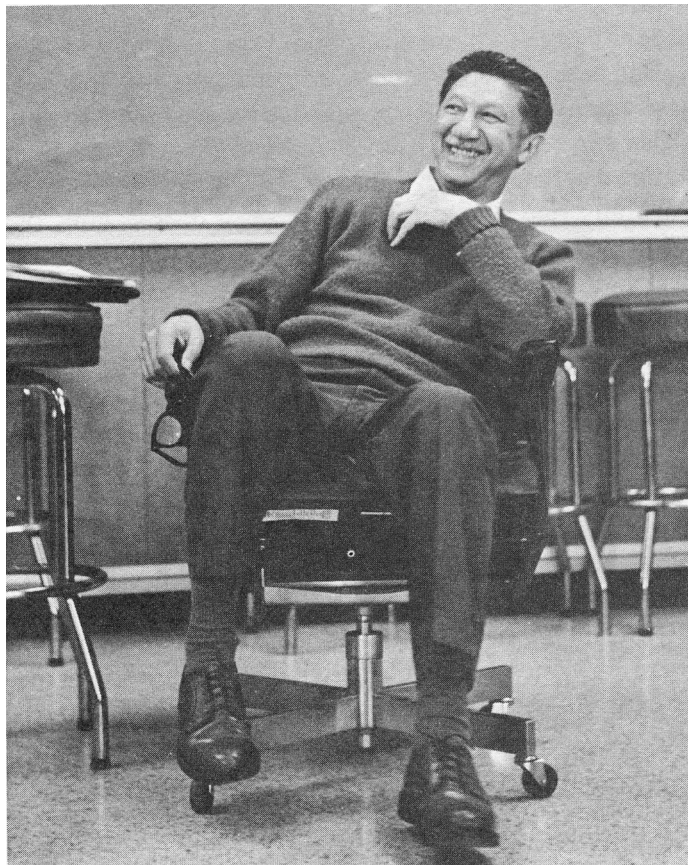
Вы можете любить ребенка как он есть, без стремления изменить или улучшить его, так же как я люблю свою маленькую внучку, которая так совершенна. Это чувство, которое, безусловно, знакомо некоторым из вас. Это своего рода блаженный экстаз. У вас есть замечательный маленький ребеночек с мамочкой, папочкой и, конечно, любимым дедушкой. Это как чудо. И самая естественная реакция в этой ситуации — это, конечно (если вы имеете хоть немного здравого смысла), просто наслаждаться ею. Вы принимаете эту ситуацию. Вы не начинаете учить, тренировать, образовывать, иметь амбиции в отношении ребенка и т. д., нет, если вы не идиот. Здоровый ребенок может быть таким совершенным, что вы и представить себе не можете, что могли бы сделать его лучше. Это и

есть даосистское чувство принятия, полного принятия. Это и значит даосистское чувство невмешательства, позволения чему-то быть. Для того чтобы оставить что-то в покое, требуется великая любовь — позволить этому быть и становиться в соответствии с его собственно природой и его собственным путем. Своего ребенка можно любить так безоговорочно.

Ребенка можно любить даже до его рождения, ждать, затаив дыхание, и с огромным счастьем видеть, каким человеком он будет, и уже сейчас любить эту будущую личность. Даже шестилетняя девочка может фантазировать о своих будущих детях и о том, как сильно она будет их любить. Хотя о них еще и думать рано. Но тем не менее это возможно, это вполне вероятное явление. Строить априорные планы на ребенка, уготовливать ему какие-то роли, надеяться, что он станет тем или этим, — все это не по-даосистски. Это говорит о запросах, требованиях по отношению к ребенку, что он должен стать тем, кем решили его сделать родители. Такой ребенок с рождения находится в невидимой смиренной рубашке. Действительно любимый ребенок — это ребенок, которого полностью принимают, не имея никаких запросов по поводу него.

О помощи

Помощь? Итак, у меня есть для этого название (названия — это хорошо, они мне помогают). Я называю помощь путем Бодхисаттвы. У нас в английском языке нет хорошего слова для помощника; с этим

словом³ связано слишком много лишних смыслов. Я использую восточную концепцию Бодхисаттвы, немного трансформировав ее для своих целей. Вы знаете, что значит «Бодхисаттва»?

Есть две буддистские легенды. По одной из них Будда сидел под деревом, у него случилось великое озарение, и он увидел истину. Это очень по-сократовски. Он увидел истину, она открылась ему, и он взошел в рай, в Нирвану. По другой версии — «версии Бодхисаттвы» —

Будда сидел под деревом, у него было великое озарение, он увидел истину, взошел к вратам рая и там из сострадания к человечеству не смог смириться с эгоистичным вхождением в рай и вернулся на землю, чтобы помочь — предполагая, что никто не может войти в рай, пока мы все в него не войдем.

Это красивая легенда, и я думаю, она говорит нам, в первую очередь, о том, что помощь — это очень и очень тяжелая работа, и помощник может оказаться неуклюжим дураком

³ Helper (англ.) — помощник (Примеч. пер.).

или вредителем. Очень часто оказывается, что лучше подходить к помощи с даосистской точки зрения. Убрать свои чертовы руки — часто самый лучший способ помочь. Знать, когда будешь действительно полезным, а когда нет, — вот, что значит быть действительно полезным, быть скорее советником, чем манипулятором, контролером, источником помех, навязывающим свои порядки и указывающим, что людям делать. Это очень по-западному. Помощник, приходя, часто становится поистине чертовой помехой, об этом вам может рассказать любой житель трущобы. Почему постоянно получается, что социальных работников, которые хотят помочь людям и которые посвящают свою жизнь помощи, так часто презирают и ненавидят?

Я полагаю, что путь помощи Бодхисаттвы — это доверие к собственному выбору личности, когда вы как помощник всегда готовы прийти на помощь, если другой этого захочет, но вы не берете контроль над ситуацией и не говорите людям, что им делать. Это подразумевает, помимо прочего, определенного рода смирение, потому что на самом деле я утверждаю, что помощник становится абсолютно совершенной личностью. Это очень трудно сделать, это когда знаешь, когда убрать руки, а когда помочь; когда быть наготове и т. д., особенно это трудно с маленькими детьми, когда часто действительно надо вмешаться.

Из всего этого следует, что один из путей быть помогающим — это совершенствовать свою личность в психотерапевтическом смысле, в смысле созревания, развития, рас-

крытия, становления целостным человеком и т. д. Исцели себя сам. В той мере, в какой вы невротичны, доминантны или авторитарны, вы можете навредить людям, пытаясь им помочь. В той мере, в какой вы демократичны, принимающи, даосистски ориентированы, в той мере вы скорее сможете помочь. Но это парадокс, потому что один из путей стать лучшей личностью — это помогать другим людям. Вы не можете стать лучше, оставаясь эгоистичным, оставаясь в своей шкуре. Этот парадокс должен быть разрешен, это как курица и яйцо, неразрывно: если хочешь стать хорошим помощником, то развиваться и быть полезным — лучшее, что можно сделать, но при этом нужно оставаться смиренным и скромным, а не пытаться взять на себя управление ситуацией.

Целостность истины

На первом уроке биологии в средней школе мне сказали, что я буду изучать науку о жизни. Нам давали лягушку и ножницы, чтобы отрезать ей голову. Вы жалеете лягушку. И этому, со свойственной мне наивностью, я изумлялся — изучать жизнь? Сейчас я понимаю, что это одно из следствий аристотелевского подхода к миру, к истине, к реальности, когда истина препарируется, обособляется, одна истина рассматривается в отдельности от другой. Это атомистический подход, это аристотелевская логика, которая течет в нашей крови: «а» и «не-а» совершенно отделены друг от друга. Вещь — это вещь, и ничто больше этой вещью не является.

Так вот из такого, по существу дела, ложного определения истины,

которая на самом деле целостна, а не раздроблена, вытекает множество глупостей, ошибок и т. п. В основе своей мир неделим, и все является всем, так же как мы совершенно реально ощущаем, что являемся частью друг друга, связаны друг с другом и т. п. Сказать, что я полностью отделен от вас, будет неправдой, это не так. Но это то, чему нас учат со времен Аристотеля, — не такое уж малое время, целых два тысячелетия.

О порнографии

Некоторое время назад я был погружен в размышления над определением порнографии и над тем, как можно регулировать относящиеся к ней вопросы с помощью закона. В настоящее время наша концепция закона является ньютоновской, атомистической, состязательной, а не братской. Нам нужна новая философия закона, чтобы сообразоваться с новой приходящей идеологией. В законе содержится аристотелевская идея о том, что необходимо определить порнографию, проведя четкую границу, отделяющую то, что является, а что не является порнографией, подобно границам государств на карте. Для многих вещей это невозможно сделать, они незаметно переходят друг в друга. Мы забываем, что явную порнографию очень и очень легко отличить от явной непорнографии. Трудности начинаются в тот момент, когда мы пытаемся построить четкую Китайскую стену в том месте, где это невозможно сделать. Так что получается, что никто еще не смог дать хорошего определения порнографии. Итак, мы это бросили. И теперь некоторые

люди говорят, что нет такого явления, как порнография, а им следует сказать, что невозможно провести аристотелевскую границу между порнографией и непорнографией.

Так, если, например, говорить об истине, то оказывается очень легко определить, в чем различия между истиной и ложью, если речь идет об их крайних проявлениях. Если мы сфокусируемся на пограничных областях, на трудных случаях, то можем забыть о существовании этих различий и впасть, например, в марксистское «правды нет»: в любом случае истина связана с классовыми интересами и революцией, в любом случае она есть то, что полезно. В итоге они оказываются в ситуации, когда не способны найти различие между очевидной истиной и явной ложью. Если бы я был газетным репортером, я бы так же, как они, был озабочен проблемой, что именно является истиной в каждом конкретном случае. Итак, нам надо оставить надежду на выяснение того, что на самом деле правда, потому что мы можем быть точны только в том, что касается пустяков.

Порнография — как я сам для себя ее определяю — это не то, что может мне повредить. Что-то из нее кажется мне очень интересным, что-то из нее мне нравится. Но для того, кто неопытен, порнография — это фантазия, неправда, ложные ожидания. Существуют мальчишеские фантазии. Я могу рассказать вам об одной из своих. Сейчас я этим не озабочен. Я достаточно стар. Но я могу рассказать о фантазии, которую имеет большинство мальчиков: что их выбросило на необитаемый остров с целым гаремом девушек. Это

нереально в том смысле, что как я мог с ними поступить? Или представления о том, что все женщины нимфоманки. Это неправда, только два процента женщин нимфоманки. Мне эти игры с сексуальными фантазиями не вредны, потому что я знаю разницу между реальностью и вымыслом. Но для двенадцатилетнего мальчика это все равно, что его обманывать. Потому что ложь, на мой взгляд, — это то, что надо подавать с большой осторожностью. Есть стратегия, как можно провести через это. Моих дочерей, которые в настоящее время уже взрослые женщины, я не стал бы сейчас защищать от порнографии. Они не нуждаются в защите. Они в ней нуждались, когда им было десять, двенадцать, четырнадцать лет.

Так что я бы предложил обсуждать только правду, насколько это возможно, о чем угодно и обо всем. Это слишком лично важно для половозрелого юноши. Это жидкий огонь, который бежит по его венам, это задача, которую нельзя откладывать. Среди написанных книг, о которых я знаю, не существует хорошей книги о сексе, нет настоящей книги. Большинство из них — это чушь. В большинстве из них пишут о том, как соблазнить кого-то тем или иным способом. Истины — это скорее нравы, чем истины. Мы можем сделать чертовски много хорошего по сравнению с тем, что уже сделали, и, я думаю, мы движемся в этом направлении. Я думаю, что сексуальная жизнь молодых людей будет все ближе и ближе смещаться к началу подросткового возраста, до брачному экспериментированию и т. д. И, я думаю, мы должны научить их правде, что бы мы о ней ни знали.

Кстати говоря, все наши сексологические знания довольно примитивны. Мы знаем не так уж много. Люди слишком боялись иметь дело с этим вопросом. Таким образом, научное знание в смысле фактического знания о сексуальности встречается очень редко. Но хотя бы то, что есть, должно быть передано нашим детям. Я бы организовал что-то вроде обучения и просвещения. Но это совсем не то что порнография. Сейчас я мог бы использовать порнографию в обучении, скажем, тринадцатилетних детей. Я мог бы использовать ее, чтобы научить их разнице между правдой и ложью, между тем, что можно ожидать, и тем, чего на самом деле нет, чтобы научить их тому, что сексуальные фантазии мужчины гораздо более амбициозны, чем позволяет его биология.

Пиковые переживания

Как-то я подумал, что было бы очень интересно продолжить Теорию X и Теорию Y МакГрегора Теорией Z, и это оказалось настолько полезным, что в конце концов я опубликовал ее в «Журнале трансперсональной психологии» (The Journal of Transpersonal Psychology. 1969. Vol. 1. № 2). Моя теория представляет собой обобщение различных типов переживаний. Один случай взят из моей продолжительной работы с самоактуализирующимися людьми, в которой я обнаружил, что одна из моих испытуемых, Элеонора Рузвельт, не испытывала пиковых переживаний. Когда я впервые это опубликовал, она была единственным исключением. Все остальные рассказы вали о пиковых переживаниях, и я

сказал (в целом), что самоактуализирующиеся люди испытывают пиковые переживания. Но оказалось, что есть довольно много людей, у которых не бывает пиковых переживаний. И снова, демонстрируя свою находчивость, я назвал их «пикерами» и «не-пикерами». И теперь эти названия прижились у нас.

Пикеры — это те, кто испытывает пиковые переживания (это опять-таки не для того, чтобы возвести Китайскую стену или провести границу), для многих из которых это просто и естественно. На другом конце находятся не-пикеры. Я не уверен, в том ли дело, что они неспособны испытывать пиковые переживания или просто у этих людей их не так много. Это, может быть, не качественное, а количественное различие. Многие люди испытывают пиковые переживания очень редко или не понимают, что я имею в виду, когда я пытаюсь обсудить это с ними. Люди на разных полюсах этой шкалы отличаются друг от друга. Олдос Хаксли очень характерный пикер. Есть и другие, кого можно привести в пример, например, Мартин Бубер. Он явно тот, кто испытывает пиковые переживания. Всех мистиков можно назвать пикерами. Не-пикеры на другом полюсе чаще бывают более одержимыми людьми, которые боятся эмоций в любых проявлениях и ограждают себя от них. Некоторые типы идеологий стремятся не допускать пиковых переживаний. Например, в марксизме. Хороший марксист не должен испытывать пиковых переживаний, потому что это идеалистично и контрреволюционно. Как бы то ни было, я обнаружил, что люди, которые называют себя марк-

систами, чаще не испытывают пиковых переживаний. Это верно и для ученых, точнее, если использовать неформальное выражение, для упертых ученых. Это очень наглядный пример. Есть и другие, кто боится. Я недостаточно много про это знаю, но думаю, шизоидные люди или люди, которые боятся оказаться захлестнутыми эмоциями, скорее избегают пиковых переживаний или понимают их как-то по-другому. Но это все крайности.

Я бы назвал пикеров трансцендирующими, потому что они испытывают трансцендентные переживания. Они трансцендентны в смысле преодоления границ Эго, личности, озабоченной собой и ограниченной пределами кожи. В момент пикового переживания человек силен, испытывает единство с миром, забывает о себе. Осознание себя пропадает. И это прекрасное чувство, как вы знаете, — быть полностью поглощенным чем-то, погруженным в суть, очарованным, опьяненным чем-то. Вы забываете о себе, о своем «не-чистом Эго», в том смысле, в котором жители Востока называют его помехой нам, в пиковых переживаниях вы выходите за пределы этого. Самые распространенные формы, самые частые пусковые механизмы пиковых переживаний — это музыка и секс. Здесь это почувствовать легче всего. И, как вы знаете (не думаю, что кто-то будет со мной спорить), это приятно. Эти переживания субъективно желаемы. Это состояние счастья. Это хорошее, желанное, позитивно подкрепляющее состояние.

Итак, если мы возьмем приведенные выше примеры как чистые типы, то многое сможем сказать о будущем

человечества, если вы позволите мне сделать такой внезапный резкий переход. Это знание о нашем потенциале, о пределах наших возможностей. Это может сказать нам кое-что о том, чем может стать человек, что для него возможно. Это знание о возможностях, которые есть у человечества и которыми обладает в полной мере каждый ребенок, появляющийся на свет. Так что это дает нам некоторое понимание того, чем в действительности на практике может стать человечество.

Объединенное сознание, о котором, я думаю, мы должны знать, легко наблюдать у людей, склонных к пиковым переживаниям: у хорошо трансцендирующих людей, особенно

у трансцендирующих самоактуализирующихся личностей — психологически здоровых, полноценных, высокоразвитых, зрелых людей. Объединенное восприятие (мне кажется, люди Дзен описали бы это лучше всего) — это восприятие, в котором сакрализируются обычные проявления жизни. Не знаю, понятно ли это. Скорее в человеке, но и в цветке, и в дереве, в чем угодно вы можете увидеть идеальную платоновскую сущность, и одновременно с этим вы воспринимаете его тем, что он есть, в его конкретных проявлениях. Это как если редуцироваться до уровня конкретики, в чем тоже есть известное удовольствие. Знаете, это здесь-и-сейчас, которое практикуется

в Эсалене или на тренинговых группах, — бытие конкретным, вовлеченным в здесь-и-сейчас, осознающим все происходящее в эту секунду. Но в то же время — это способность видеть священное в конкретном опыте, конкретной личности, конкретном явлении (цветке, дереве и т. д.).

Теперь те, с кем я работаю, делают это легко. Это просто, и вы можете легко этому научиться. Я имею в виду, что это как-то впиталось в меня, и теперь мне это легко. Я думаю, этому можно учить силой примера или рассказывая людям об этом. И, я думаю, мы можем настроить наше восприятие на это объединенное сознание, на это объединенное восприятие так, чтобы уметь видеть и мирскую, и священную сторону в каждом человеке: то, что здесь-и-сейчас и одновременно вечное, архетипическое, символическое, мифическое, поэтическое, как если бы обыкновенная история была бы одновременно и притчей (которая значит гораздо больше, чем в ней прямо сказано). Эти объединенное сознание и объединенное восприятие чрезвычайно важны.

Ну, а если говорить об экстремальных случаях, целостное восприятие само по себе делает невозможным самоубийство. Оно само по себе делает жизнь очень ценной. Если говорить об этом так, как мне нравится, это заставляет вас видеть всю ценность жизни, красоту природы и т. п. Это очень глубоко затрагивает человека, потому что из этого следует, что он живет в каком-то смысле в хорошем мире. Так бывает даже тогда, когда человек испытывает физическую боль или, как Олдос Хаксли, умирает полной достоинства смер-

тью. Это делает возможным хорошую смерть, надежда на которую и стремление достигнуть которой проникает во все религии. Как нас учат экзистенциалисты, это замечательная вещь, потому что абсолютно ясно, что мы постоянно страдаем от нависшего над нами тучей страха смерти. И если бы вы могли трансцендировать страх смерти, что возможно, если, например, я мог бы убедить вас, что ваша смерть не будет недостойной, а будет милостивой и смиренной (то, что католический священник назовет хорошей смертью), то изменилась бы ваша жизнь сегодня, сейчас. И вся оставшаяся ваша жизнь изменилась бы. Каждый момент изменился бы. Таким образом, я думаю, мы можем учить трансцендированию Эго и объединяющим переживаниям. На самом деле, сам по себе факт, что я говорил об этом последние несколько минут, поможет некоторым из вас осознать это в такой степени, чтобы сохранить это в себе. В этом и обучение. Поскольку у этого есть так много хороших следствий, то в некотором смысле это суррогат религии. Это одно из того, к чему стремились религии, и в случае успеха это то, чего они достигали, — объединенное восприятие. Это могли делать монахи. В христианской традиции, особенно в Средние века, это было само собой разумеющимся. Монах в монастыре мог сказать: «Да, я копаю картошку во славу Господа моего». И это очень важно, это значит, что вы можете быть кем угодно: быть хоть садовником во славу Господа. Это открывает целый мир, в котором наша деятельность приобретает священный смысл и в котором можно делать

свою работу, не воспринимая ее как мышиную возню. Дети часто неправильно понимают нас. Они думают, что мы попались куда-то, когда на самом деле мы захвачены тем, что любим. Они не могут понять, что мы любим свою работу. Так что эта техника делает возможным любить свою работу, воспринимать ее священную сторону. И это работает даже в отношении выкапывания картошки и всего остального тоже.

Тот факт, что существует уменьшение пиковых переживаний, тоже имеет значение. Это личное, но я преодолел смущение по этому поводу, конечно. Я исчерпал это. Когда становишься старше, пиковых переживаний становится меньше. Кажется, так происходит не только у меня, это печальный опыт, но другие люди переживают что-то подобное. Я думаю, отчасти это механизм самозащиты. Мне кажется, что если бы у меня сейчас были такие же пиковые переживания, как в двадцать или тридцать лет, они бы убили меня. Кажется, сейчас мы просто не такие сильные, как были тогда. Но у этого есть, однако, и цена, которая состоит в том, что пиковые переживания молодых не всегда являются духовными, т. е. они не всегда способствуют познанию, не всегда являются озарением. Это хорошо понятно, если разобрать, что происходит в сексе. Секс может быть и часто является источником пиковых переживаний, «пиковым». Эти переживания не всегда означают озарение по поводу мира. Иногда так происходит, и тогда люди узнают из секса не только то, что он сам прекрасен, но и что весь

этот чертов мир прекрасен, жизнь прекрасна и т. д. С возрастом приходит, помимо прочего, то, что познание играет все большую роль, в то время как острота эмоций уменьшается и сходит на нет. И я думаю (просто таков мой личный опыт), что моя субъективная жизнь сейчас счастливее, чем в 20, 30 лет, хотя я и не испытываю того трепета и волнения, которыми была полна моя тогдашняя жизнь — первая хорошая книга, музыка, девушки, дети, цветы, что угодно, что раньше могло разорвать меня на части, и это было бы прекрасно. То, что происходит при взрослении (у меня для всего есть название), можно назвать «плато-переживаниями». Я помню, как в 20 или в 30 лет впервые слушал «Жар-птицу» Стравинского, и она едва не убила меня. Сейчас она не может меня едва не убить. Я могу спокойно сидеть и слушать ее. То, что когда-то было озарением — новым знанием, способностью видеть священную сторону мира, — сейчас стало очень легко и может включаться и выключаться по моему желанию. Но эта своеобразная цена, я думаю, связана и с одной хорошей вещью: если вы хорошо проживаете жизнь и правильно распорядитесь собой, то вы можете ожидать, что с возрастом ваш субъективный опыт будет становиться все более позитивным. Об этом я и говорю. Единственная проблема, что ваше проклятое тело не может держаться на том же уровне. Был один немецкий профессор, который не очень хорошо говорил по-английски, и он красиво сказал: «Душа просит, а мясо немощно»⁴.

⁴ «The spirit is willing but the meat is feeble».

Лидеры и революционеры

Великие лидеры всегда хорошо высыпаются перед битвой. Лучше всего любить себя, следить за собой, за своим телом и, как я уже говорил, работать над собой, чтобы становиться все лучшим и лучшим помощником. Если говорить обо мне как о революционере, что я на самом деле о себе думаю, то кажется, я более продуктивен и лучше справляюсь с возникающими проблемами, если ночью перед этим у меня не было бессонницы, после которой я вообще ничего не могу делать. Я думаю, что это истощающе, глупо и саморазрушительно. Лучшее, что можно сделать в последний день перед битвой, это позаботиться о себе: хорошо выспаться, хорошо поесть и т. п.

Еще одна свободная ассоциация на эту тему — это впечатление, которое производят на меня беременные женщины, очень тонко воспринимающие свою беременность: им нравится это состояние, и в них есть замечательная разновидность здорового эгоизма, если вы понимаете, что я имею в виду. Они заботятся о себе, потому что они вынашивают в себе нечто драгоценное.

Я вам расскажу об одной из моих печалей по поводу детей революции. Во-первых, я думаю, половина из них портят революцию, делают ее менее вероятной, не принимают ее и делают ее обреченной на провал, руководствуясь самыми разнообраз-

ными целями и говоря при этом, что делают это ради мира, братства и всемирной любви. Они пытаются добиться этого ненавистью, размозженными головами и распрями. Когда я в хорошем настроении, меня это забавляет, но в плохом настроении это действует на меня угнетающе. Я думаю, что в истории достаточно уроков для тех, кому хочется изменить и улучшить мир.

Я не хочу использовать слово *революционер*, потому что вокруг него будет много споров. Я думаю о себе как о революционере и я думаю, что, судя по большинству детей, с которыми мне приходится общаться, настоящая революция маловероятна. Вам, наверное, знакомо: «Храни меня от друзей моих, пожалуйста...»

Если вы генерал, это один разговор; если вы капрал, то это другой. Для генерала, лица ответственного, очень и очень важно не быть захлестнутым своими эмоциями. Лучше всего оставаться хладнокровным и спокойным, а не ожесточенным, злым или виноватым. Капралы и сержанты могут позволить себе быть охваченными страстью. Хорошему генералу, генералу революционной армии, лучше оставаться хладнокровным. Он примет лучшие решения и с меньшей вероятностью приведет войска к гибели.

Перевод с англ. Е.М. Лантевой